

Санкт-Петербургский государственный университет

На правах рукописи

Анна Дмитриевна Даугавет

СЛОГОВАЯ ДОЛГОТА В БАЛТИЙСКИХ ЯЗЫКАХ
В СОПОСТАВЛЕНИИ С ЭСТОНСКИМ И ЛИВСКИМ

Специальность 10.02.20 — Сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Санкт-Петербург
2009

Диссертация выполнена на кафедре общего языкознания
Факультета филологии и искусств
Санкт-Петербургского государственного университета

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Леонард Георгиевич Герценберг

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Антон Владимирович Циммерлинг

кандидат филологических наук,
научный сотрудник
Андрей Владимирович Шацков

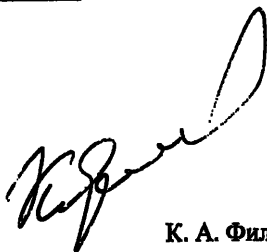
Ведущая организация: Институт славяноведения
Российской академии наук

Защита состоится 2 декабря 2009 г. в 16 часов на заседании совета Д 212.232.23
по защите докторских и кандидатских диссертаций при Санкт-Петербургском
государственном университете по адресу:
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 11, ауд. 191.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке им. М. Горького
Санкт-Петербургского государственного университета
(199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9).

Автореферат разослан «28» октября 2009 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета Д 212.232.23
доктор филологических наук,
профессор

К. А. Филиппов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертационное исследование посвящено функциональным особенностям долгих и кратких слогов в балтийских языках¹, эстонском и ливском и анализу их отношений с другими явлениями акцентологии и фонологии, такими как словесное ударение, слоговые акценты (т. н. слоговые интонации) и оппозиция гласных и согласных по долготе.

Актуальность темы, с одной стороны, обусловлена тем, что литовский и латышский языки не являются родственными эстонскому и ливскому, но при этом между ними существует сходство, обусловленное взаимным влиянием, в частности, в сфере фонологии и акцентологии. Однако детали этого сходства во многом остаются неизученными; кроме того, открытым является вопрос о том, как именно те или иные черты были заимствованы из одного языка в другой и встроены в новую систему. С другой стороны, в описаниях балтийских языков, а также эстонского и ливского в качестве основания для выделения долгих и кратких слогов в более или менее явном виде выступают слоговые акценты, традиционно также называемые слоговыми интонациями, оппозиция которых существует только на долгих слогах. Однако при более подробном ознакомлении с особенностями ударения и некоторых фонемных чередований обнаруживается, что долгота и краткость слогов может упоминаться или хотя бы предполагаться в качестве релевантного признака также при описании данных явлений. Более того, обращение к позициям ударения и чередованиям гласных и согласных позволяет уточнить характер взаимодействия между эстонским и ливским и балтийскими языками.

Объект диссертационного исследования включает словесное ударение, слоговые акценты (слоговые интонации), а также количественные характеристики сегментов и их соединений в балтийских языках, эстонском и ливском. Анализ данных явлений выстраивается вокруг центральной проблемы, а именно, функциональных особенностей долгих и кратких слогов.

Цель исследования — выявить критерии, на основании которых осуществляется выделение долгих и кратких слогов в литовском, латышском,

¹ Литовский и латышский являются единственными живыми балтийскими языками (см. тему исследования). В данной работе не рассматриваются мертвые балтийские языки, материал которых слишком скуден, чтобы делать выводы об интересующих нас явлениях. (Прусский язык представлен несколькими текстами XIV–XVI вв., тогда как другие мертвые языки, принадлежащие к балтийской группе, известны по отдельным словам и фразам.)

эстонском и ливском языкознании, и установить набор признаков, позволяющих отнести слоги определенного типа к долгим или кратким в каждом из этих языков, выявляя сходства и различия между языками и, по возможности, освещая возникновение и развитие соответствующих явлений. Поскольку к традиционным критериям слоговой долготы относятся слоговые акценты (слоговые интонации), а потенциальные дополнительные критерии принадлежат сфере фонемных чередований и ударения, это предполагает решение следующих задач.

1. Проанализировать и сопоставить фонологический статус, реализацию, происхождение и диалектные особенности слоговых акцентов (т. н. слоговых интонаций) литовского, латышского, эстонского и ливского языков, а также их отношения с ударением, и установить факторы, определяющие появление слоговых акцентов (слоговых интонаций) в той или иной позиции.
2. Описать и сравнить дистрибуцию гласных и согласных в составе долгих слогов в литовском, латышском, эстонском и ливском языках, пристальное внимание уделяя количественным изменениям и чередованиям, а также явлениям, приводящим к изменению слоговых границ и/или превращению кратких слогов в длинные и долгих в краткие.
3. Уточнить набор факторов, определяющих позиции основного и второстепенного ударений в литовском, латышском, эстонском и ливском языках, выявить роль количественных характеристик слогов среди этих факторов.

Материал исследования берется из существующих описаний литовского, латышского, эстонского и ливского литературных языков в аспекте акцентологии, фонологии и, в меньшей степени, морфологии, а также описаний литовских, латышских и эстонских диалектов.

Методы исследования, используемые в работе: дескриптивный и типологический, отчасти также сравнительно-исторический метод.

Научная новизна определяется выдвиганием на первый план количественных характеристик слогов, которые рассматриваются как организующий фактор по отношению к другим явлениям фонологии и акцентологии. Данный подход не применялся при исследовании балтийских языков, но является характерным для описаний эстонского и ливского.

Тсоретическая значимость заключается в том, что в диссертационном исследовании предлагается единообразное представление ряда явлений фонологии и акцентологии, которые, несмотря на обнаруживаемое ими сходство, получают разную интерпретацию в балтийском и прибалтийско-финском языкознании. Результаты исследования объясняют, каким образом происходило заимствование некоторых из таких явлений из прибалтийско-финских языков в балтийские, и описывают последующее переосмысление данных явлений в балтийских языках.

Практическая ценность обусловлена тем, что результаты диссертационного исследования представляют интерес для фонетической типологии языков и ареальной лингвистики, особенно при исследовании связей между так называемыми циркумбалтийскими языками². Кроме того, их можно использовать при разработке курсов литовской и латышской фонетики и акцентологии, диалектологии литовского и латышского языков и, отчасти, исторической фонетики балтийских языков. Отдельные положения работы способны оказать помощь при усвоении литовского и латышского произношения в рамках практических курсов соответствующих языков.

Положения, выносимые на защиту.

- 1) Основанием для выделения долгих и кратких слогов в литовском, латышском, эстонском и ливском языках служит не только и не столько оппозиция слоговых акцентов (традиционно называемых слоговыми интонациями), но и характерные для долгих слогов синхронные чередования и/или исторические изменения фонем, а также зависимость от слоговой долготы основного и второстепенного ударений.
- 2) Долгие слоги в литовском, латышском, эстонском и ливском языках подразделяются на стабильные и позиционные в зависимости от их

² Циркумбалтийскими в последнее время принято называть языки, расположенные вокруг Балтийского моря, на том основании, что в них наблюдается некоторое количество сходных черт на разных уровнях языковой системы — см. M. Koptjevskaja-Tamm, B. Wälchli. *The Circum-Baltic languages* // Ö. Dahl, M. Koptjevskaja-Tamm (ed.) *The Circum-Baltic Languages: Typology and Contact. Studies in Language Companion Series*. Amsterdam / Philadelphia, 2001. P. 640–646. О сходстве супrasegmentных оппозиций в циркумбалтийских языках также см. R. Jakobson. *Über die phonologischen Sprachbünde*. Р. Якобсон. К характеристике евразийского языкового союза. Цит. по Jakobson R. *Selected writings I: Phonological Studies*. The Hague, 1971. P. 137–143, 144–201.

способности или неспособности чередоваться с гетеросиллабической последовательностью, причем позиционно долгие слоги в каждом из языков автоматически сопровождаются одним и тем же типом слогового акцента (слоговой интонации). Опираясь на дополнительные особенности, проявляющиеся в сфере слоговых интонаций и чередований гласных и согласных, позиционные долготы разделяются на нестабильные и собственно позиционные в зависимости от направления чередования от долгого слога к гетеросиллабической последовательности и наоборот.

- 3) В балтийских языках образование позиционных долгот изначально носит случайный характер, тогда как в эстонском и ливском для этой цели используются такие специальные приемы как вставка нового сегмента. На более позднем этапе данные приемы заимствуются латышским и литовским языками как средство продления ударных слогов.
- 4) На современном этапе состав долгих слогов в балтийских языках отличается от традиционно постулируемого: в латышском помимо долгих гласных, дифтонгов и дифтонгических сочетаний долгие слоги могут содержать сочетание краткого гласного с глухим шумным, тогда как в литовском языке долгие слоги сводятся к противопоставлению долгих и кратких гласных.

Апробация работы. Отдельные аспекты и основные положения диссертационного исследования обсуждались в докладах на секции баллистики в составе XXXIII–XXXV международной филологической конференции преподавателей и аспирантов в Санкт-Петербургском государственном университете в 2004–2006 гг., на Круглом столе «Балтийская филология: 10 лет спустя» (Санкт-Петербург, 19–21 июня 2008 г.), а также на международных конференциях: «The Baltic Languages and the Nordic Countries» (Осло, Норвегия, 19–20 июня 2009 г.), «International Workshop on Balto-Slavic Accentology» (Шайббс, Австрия, 2–4 июля 2008 г. и Опава, Чехия, 7–10 июля 2009 г.), «Perspectives of Baltic Philology» (Познань, Польша, 11–12 мая 2007 г.), «История языка и диалектология: минувшее и перспективы» (Вильнюс, Литва, 20–22 сентября 2004 г.), «История и развитие балтийских и славянских диалектов в аспекте этнокультуры» (Вильнюс, Литва, 20–22 сентября 2005 г.), «I международный конгресс по латгоники» (Рига, Латвия, 24–25 октября 2005 г.), «Проблемы фонетики и акцентологии балтийских и других языков» (Вильнюс, Литва, май 2004 и 2006 гг.), «День Артура Озолса» (Рига, Латвия,

март 2005–2006 и 2008–2009 гг.), «Слово и аспекты его исследования» (Лиепая, Латвия, 21–22 ноября 2003 г.), «XV научные чтения» (Даугавпилс, Латвия, 27–28 января 2005 г.), на конференциях, посвященной памяти М. Рудзите (Рига, Латвия, 25–26 ноября 2004 г.) и 132-летию и 134-летию Я. Эндзелина (Рига, Латвия, февраль 2005 и 2007 гг.), а также в рамках летней школы «Academia grammaticorum salensis» (Салос, Литва, август 2006–2009 гг.) и семинара для летописцев (Мазсалаца, Латвия, 8–14 августа 2005 г. и Кулдига, Латвия, 11–18 августа 2007 г.). Большинство положений диссертации нашло отражение в спецкурсе «Балтийские языки в ареальном аспекте», читаемом на отделении баллистики Санкт-Петербургского университета. По теме диссертации опубликовано 11 работ.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех частей, соответствующих поставленным задачам, каждая из которых разбивается на 10–12 пунктов, заключения, списка сокращений и списка литературы. За введением следуют разделы, где комментируются основные особенности транскрипции, принятой в литовском, латышском и финно-угорском языкознании, а также дается определение основным терминам, используемым в диссертации.

Порядок следования частей работы, а именно, «Долгие слоги как базис супрасегментных противопоставлений», «Гласные и согласные в составе долгих слогов» и «Основное и второстепенное ударение», с одной стороны, обусловлен изученностью соответствующего аспекта (большинство работ, где упоминается долгота, как раз посвящены слоговым акцентам), а с другой стороны, стремлением автора сначала описать долгие слоги «изнутри», с точки зрения составляющих их фонем, а затем уже обратиться к их «внешним» отношениям с другими слогами в составе единиц, объединенных одним ударением.

СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Введение

Во введении обосновывается актуальность темы, формулируются цели и задачи работы, определяются методы и материал исследования.

Часть I. Долгие слоги как базис супraseгментных оппозиций

В I части обсуждаются реализация и фонологический статус, а также происхождение и диалектные особенности слоговых акцентов (слоговых интонаций) литовского, латышского, эстонского и ливского языков, уточняются их связи с аналогичными оппозициями скандинавских, немецкого и нидерландского языков и диалектов с точки зрения условий возникновения и типа сегментного базиса. Также устанавливаются условия, когда тот или иной тип интонации (акцента) появляется автоматически.

Слоговые акценты или слоговые интонации, оппозиция которых существует только на долгих слогах, могут использоваться в качестве критерия, позволяющего отличить долгие слоги от кратких³. Ср. лтш. *sēja* 'сев' — *sēja* '(они) связывали', но только *seja* 'лицо' (краткий слог), эст. 'viina 'водка (GSg)' — 'viina (PrtSg), но только 'vina 'дымка' (краткий слог). В литовском языке различаются акутовая и циркумфлексная интонации, напр., *áušta* 'остывает' — *aũšta* 'рассветает', в латышском длительная, нисходящая и прерывистая, напр., *mīt* 'мять' — *mīt* 'обитают' — *mīt* 'менять'. В эстонском языке противопоставлены легкий и тяжелый акцент (традиционно описываемые как обычная долгота и сверхдолгота), напр., 'musta 'черный (GSg)' — 'musta (PrtSg), в ливском длительная и прерывистая интонация, напр., *pallō* 'просить' — *pa'llō* 'гореть'⁴. В реализации слоговых интонаций в рассматриваемых языках в разной степени участвуют частота основного тона, интенсивность, длительность; прерывистая интонация латышского и ливского сопровождается гортанной смычкой (толчком). (Термины «слоговая интонация», «слоговой

³ Об использовании супraseгментных противопоставлений типа слоговых акцентов и интонаций в качестве критерия слоговой долготы в языках мира см. работу М. Гордона (Gordon M. Syllable Weight: Phonetics, Phonology, Typology. New York and London: Routledge, 2006. P. 85–120), который, правда, не учитывает различие между слоговыми интонациями типа литовских и контурными тонами языков Юго-Восточной Азии.

⁴ В ливском языке прерывистая интонация обозначается при помощи апострофа, ő используется для обозначения гласных среднего ряда [e] и [ɛ].

акцент» и «тон» в работе употребляются как синонимы, выбор между которыми обусловлен традициями балтийского и прибалтийско-финского языкознания.)

К долгим во всех четырех языках относят слоги, содержащие долгие гласные и дифтонги. В литовском и латышском в составе долгих слогов возможны только так называемые дифтонгические сочетания с сонантами, а в эстонском и ливском долгими признаются и слоги, содержащие сочетание краткого гласного с шумным, который в ливском может быть как глухим, так и звонким (лив. *maksõ* 'плата (PltSg)', *nä'grõ* 'смеяться, улыбаться'). В эстонском, где шумные согласные подразделяются на слабые и сильные, в качестве второго компонента тавтосиллабических сочетаний могут выступать только сильные. Поскольку сочетания краткого гласного со звонким согласным в ливском всегда рeализуются с прерывистой интонацией, а сочетания с глухим — с длительной, оппозиция слоговых интонаций здесь может быть признана основанием для выделения долгих и кратких слогов лишь в сочетании с другими критериями.

Акценты эстонского и ливского являются более поздним явлением, и во многих отношениях сопоставимы не столько с архаичными балтийскими интонациями, сколько с вторичными оппозициями, возникшими в литовских и латышских диалектах. Благодаря оттяжке ударения в литовских говорах возникает противопоставление слогов со старым (сильным) и новым (слабым) ударением, напр., лит. диал. *pā.î(ь)⁵* 'самого (ASg)' — *pāî(ь)* 'сама' (< *pati*) и *tī-î(ь)* 'молчит' — *tī-î(ь)* 'молчишь' (< *tyli*). В литовских и латышских говорах с апокопой складывается оппозиция старых и новых конечных слогов, напр., лтш. диал. *bāîls* 'бледный' — *bā:ls* < *bāilus* (API), *joûns* 'новый' — *joû:ns* < *jaûnus* (API), а также *kaps* 'могила' — *kaṕs* < *kappus* (API), *maç* 'мало' — *mâz* < *maza* 'маленькая'. Обычно новые оппозиции в диалектах литовского и латышского охватывают все типы слогов, не позволяя разбивать их на классы, подобные долгим и кратким. Если в результате оттяжки ударения или апокопы возникает

⁵ В литовской транскрипции точка в нижней части строки передает полудолготу предшествующего звука, точка в верхней части строки — обычную долготу. Гравис означает ударение на кратком слоге, а s-образный диакритический знак — так называемую «среднюю» интонацию. Символы *ъ* и *ь* обозначают редуцированные гласные заднего и переднего ряда. Мы заключаем их в скобки, поскольку, по мнению ряда исследователей, редуцированные гласные в реальности не произносятся. В латышских примерах двоеточие передает дополнительную длительность предшествующего звука, дужка над гласным — восходяще-нисходящую интонацию.

супraseгментное противопоставление, затрагивающее только краткие слоги, то представляется уместным «встроить» его в уже существующую систему, представив члены новой оппозиции как варианты слоговых интонаций на кратких слогах.

И прибалтийско-финские акценты, и вторичные противопоставления в диалектах латышского и литовского имеют многочисленные параллели в других циркумбалтийских языках и диалектах, для которых также характерно различие апокопированных и неапокопированных форм. В скандинавских диалектах новые односложные формы, возникшие в результате апокопы, как правило, отличаются от старых за счет так называемого циркумфлекса, чья реализация в одних случаях может напоминать эстонский тяжелый акцент (т. н. сверхдолготу) и вторичные интонации ливонского диалекта латышского языка, а в других сопоставима с прерывистой интонацией апокопированных форм в ливском языке (реализуемой как толчок). В диалектах немецкого и нидерландского в словах с апокопой встречается как аналог тяжелого акцента (т. н. экстенсия, тональный акцент II), так и аналог прерывистой интонации (т. н. коррепция, тональный акцент I). В ливском языке разные способы оформления апокопированных форм находятся в дополнительной дистрибуции относительно исконной долготы или краткости слогов, которые соответственно получают длительную или прерывистую интонацию.

Другим признаком, позволяющим уточнить место литовского, латышского, эстонского и ливского среди циркумбалтийских языков является характер сегментного базиса. В литературных шведском и норвежском языках для реализации акцентов I и II необходимо, как минимум, два слога, напр., шв. *'anden* 'утка (опр.)' — *'anden* дух'. В эстонском сегментный базис представляет также собой двусложную последовательность, где первый слог, однако, дополнительно характеризуется долготой, что объединяет эстонский с ливским и балтийскими языками. В системах, где сегментный базис совпадает с долгим слогом, варьируют типы допустимых сочетаний краткого гласного с последующим сегментом, которым в балтийских языках может быть только сонант, в датском сонант и звонкий шумный, в эстонском сонант и шумный. В качестве сегментного базиса экстенсии-коррепции в немецких диалектах, а также в качестве базиса циркумфлекса в диалектах шведского и норвежского

помимо долгих гласных и дифтонгов могут выступать как сочетания краткого гласного с сонантом, так и сочетания с шумным.

Литовские исследователи рассматривают слоговые интонации и ударение в качестве самостоятельных явлений, однако оппозиции, возникающие в литовских диалектах при изменении места ударения и выпадении конечных слогов, могут трактоваться как разные типы ударения. В диалектах литовского и эстонском языке слоговые интонации различаются в позиции под второстепенным ударением. В латышском языкознании существует традиция отмечать слоговые интонации на всех долгих слогах независимо от их ударности или безударности, хотя в некоторых случаях, которые в диссертации рассматриваются более подробно, интонации безударных слогов не различаются и в латышском языке. Помимо ударения, существуют и другие факторы, ограничивающие выбор между слоговыми интонациями, среди которых наибольший интерес представляет собой позиционная долгота.

В латышском языкознании позиционными принято называть дифтонги, второй компонент которых чередуется со слогональным согласным⁶, напр., лтш. *klajš* [klàiš] 'палуба' — *kla-ja* (GSg), *tavs* [tàus] 'твой' — *ta-va* (GSg). Остальные дифтонги называются стабильными. Аналогичным образом слогональным может становиться и второй компонент дифтонгических сочетаний, напр., лтш. *màns* 'мой' — *ma-na* 'моя', потому мы считаем целесообразным употреблять термины «позиционные» и «стабильные» и по отношению к дифтонгическим сочетаниям. В диссертации понятия позиционных (и стабильных) долгот распространяется также на литовский, эстонский и ливский языки. В латышском позиционные дифтонги автоматически получают нисходящую интонацию, в эстонском позиционные долготы несут тяжелый акцент, напр., `maj-ja [majja]⁷ 'в дом' — 'ma-ja 'дом (NSg)', `lao 'склад (GSg)' — 'la-du (NSg), а в литовском интонация зависит от места ударения до ресиллабации, ср. *danguj̃* [daŋgũj̃] ~ *dangu-jè* 'на небе (LSg)' и *gã-li* 'может' — *gál* 'возможно'. В ливском языке интонация определяется направлением ресиллабации: прерывистая, если исходным пунктом является

⁶ Литовские исследователи позиционно долгими (или вспомогательно долгими) называют монофтонги, которые продлеваются в позиции под ударением.

⁷ В принятой в финноугроведении транскрипции гравис передает полудолготу, а традиционный значок краткости — сверхкраткость сегмента.

гетеросиллабическая последовательность (*sõ-vāb* — *sõ'v-võ* [sɛ'v̥v̥ɔ̃] 'чесать') или длительная, если позиционная долгота возникают в результате распада тавтосиллабического сочетания⁸ (*kou̯v* [koùv] ~ [koù] 'колодец', *kou-võ* [koùv̥] (PrtSg) — *kõ-võd* 'колодцы (NPl)'). Позиционно долгие слоги первого типа в диссертации предлагается считать позиционными в узком смысле слова, а позиционно долгие слоги второго типа нестабильными.

Часть II. Гласные и согласные в составе долгих слогов

Во II части анализируется дистрибуция гласных и согласных в составе долгих слогов в литовском, латышском, эстонском и ливском языках, причем основное внимание уделяется количественным изменениям и чередованиям, а также явлениям, приводящим к изменению слоговых границ и/или превращению кратких слогов в долгие и долгих в краткие.

Более подробный анализ позиционных долгот показывает, что в литовском и латышском языках передвижение слоговой границы, приводящее к образованию позиционно долгих слогов, представляет собой случайный эффект на стыке морфем: лтш. *sav|s* [sàu|s] 'свой' — *sa-v|a* 'своего', *cē|l|Ø*⁹ 'поднимает' — *ce-|l|u* 'поднимаю' и т. д. В эстонском и ливском, напротив, ресиллабация осуществляется вполне целенаправленно, для чего используется геминация интервокального согласного: эст. *ma-ja* 'дом' — *maj-ja* [majja] 'в дом', *to-ru* 'труба' — *tor-ru* [to̯ru] 'в трубу', *jõ-gi* 'река' — *jõk-ke* [jɛkkɛ] 'в реку'; лив. *ki-zīb* 'спрашиваю, спрашивает' — *ki'z-zõ* 'спрашивать'. Кроме того, в эстонском языке нами выделяются потенциально нестабильные долготы, у которых произвольная ресиллабация, вызванная выпадением интервокального согласного (как, напр., в PrtSg *'jal-ga* 'нога' — GSg *'ja-la*), предотвращается за счет геминации, восстанавливающей слоговую границу на прежнем месте (PrtSg *'sil-da* 'мост' — GSg (**'si-la*¹⁰ →) *'sil-la*), так что количественные характеристики слога остаются неизменными.

Различение стабильных, позиционных и (потенциально) нестабильных долгот оказывается продуктивным при сопоставлении долгих слогов разного фонемного состава. Так, например, выясняется, что в ливском языке долгие

⁸ Ср. *ai-ið* 'амбар (PrtSg)' — *āi-ta* (NSg) и *lei-bð* 'хлеб (PrtSg)' — *lē-ba* (NPl), где ресиллабация не происходит.

⁹ Ø означает окончание с нулевым экспонентом.

¹⁰ Звездочка здесь не означает праформу.

гласные встречаются только в стабильных долгих слогах, дифтонги — только в стабильных и нестабильных, а сочетания краткого гласного с шумным — только в собственно позиционных. (Сочетаниями с шумными *j*, *v* вопреки транскрипции¹¹ являются и «дифтонги» в чередованиях типа *a-jāb* ‘гоню, гонит’ — *a'jjō* [a'ijjā] ~ [a'jjā] ‘гнать’, *a'jtōd* [a'itāD] ‘загнанный’ и *sō-vāb* ‘чешу, чешет’ — *sō'vvō* [se'uvvā] (~ [se'vvā]?) ‘чесать’, *sō'vtōd* [se'utāD] ‘чесаный’.) Сочетания с сонантами в ливском представляют собой единственный вариант слогоносителя, который присутствует у всех трех типов долгот. В латышском языке собственно позиционные долготы иногда и вовсе лишены характеристик долгих слогов (в первую очередь, слоговой интонации) — при этом они могут не отличаться по фонемному составу от стабильных. (Впрочем, позиционные «дифтонги», на самом деле, содержат в качестве второго компонента неслоговые [ɥ], [j]¹² — аллофоны шумных /v/, /j/, которые, как и другие шумные в балтийских языках, в отличие от ливского, не участвуют в образовании долгот.)

Автоматическое чередование (слоговых) *i*, *u*, выступающих в роли второго компонента дифтонгов, со слогоначальными согласными *j*, *v* (*w*), аналогичное чередованию сонантов в тех же позициях, во всех четырех языках последовательнее всего наблюдается у (потенциально) нестабильных долгот, напр., лит. *gāu-ti* ‘получать’ — *gā-vo* ‘(они) получили’ как *kāl-ti* ‘ковать’ — *kā-la* ‘куют’; лтш. *kaūt* ‘убивать’ — *kā-va* ‘(они) убивали’ как *dzeft* ‘пить’ — *dzē-ra* ‘(они) пили’; лив. *kouiv* [kouiv] ~ [kou] ‘колодец’, *kou-vō* [kou-vā] (PrtSg) — *kō-vōd* (NPl) как *ul* ‘безумный’, *ul-lō* (PrtSg) — *ū-lōd* ‘безумные’; эст. PrtSg *lei-du* ‘находка’ — GSg (**le-ju* → **lej-ju* →) *lei-u* [lei-ju] как PrtSg *sil-da* ‘мост’ — GSg (**si-la*¹³ →) *sil-la*. В случае собственно позиционных долгот, параллелизм между *i*, *u* и сонантами сохраняется только в эстонском и только применительно к чередованию *i* с *j* (*w* в качестве слогоначального согласного в эстонском отсутствует). Только в эстонском дифтонги с широким вторым компонентом могут быть позиционными долготами, напр., *la-gi*

¹¹ Т.-Р. Вийтсо утверждает, что *a'jtōd* [a'itāD] и *sō'vtōd* [se'utāD] звучат иначе, чем *va'itōd* [va'itāD] ‘промежутки’ (NSg *va'it*) и *rō'utōd* [re'utāD] ‘жерди’ (NSg *rō'ut*), где чередование с гетеросиллабическими сочетаниями отсутствует. (См. Т.-Р. Viiitso. Läänemeresoomede fonoloogia küsimusi. Tallinn, 1981. lhk. 30.)

¹² А. Äbele. Fonētikas sükumi // Filologu biedrības raksti. 1933. 13.sēj. 159.lpp.

¹³ Звездочка здесь не означает праформу.

‘потолок’ — *lae* (GSg). В балтийских и ливском языке дифтонги с широким вторым компонентом малочисленны и встречаются только в составе стабильных долгот.

Представление о геминации как о специальном приеме, создающем позиционные долготы, в свою очередь, позволяет разглядеть в латышском незамеченный ранее тип долгих слогов, образуемых сочетанием краткого гласного с глухим шумным, напр., *lapa* [lap-pa] ‘лист’. Отсутствие геминации интервокального глухого в формах типа *lā-pa* ‘факел’, *lai-pa* ‘мостки’, *lam-pa* ‘лампа’, где ударный слог долг, свидетельствует о дополнительной дистрибуции между сочетанием краткого гласного с глухим шумным, с одной стороны, и долгим гласным, дифтонгом и дифтонгическим сочетанием с сонантом, с другой. Делается вывод, что целью геминации является достижение ударным слогом долготы в контекстах, где она не обеспечивается традиционными средствами. Зависимость геминации от ударной позиции и долготы последующего слога (ср. отсутствие геминации в LSg *la-pā* с одиночным согласным) указывает, что долгие слоги с шумными согласными возникли как результат перенесения в латышский язык закономерностей, присущих двусложной стопе ливского и эстонского языков: ср. лив. *o-pīb* ‘учусь, учится’, где за кратким слогом следует долгий гласный и *op-põ* ‘учиться’, где за долгим слогом следует краткий. В латышских диалектах и литовском языке вместо геминации интервокального согласного имеет место продление ударного гласного, которое также обнаруживает зависимость от следующего слога, напр., лтш. диал. *lo:-pa* ‘лист’, лит. *lā-pas* ‘лист’.

Запрет на геминацию после долгого гласного, дифтонга и дифтонгического сочетания демонстрирует эквивалентность структур \bar{V} , $\check{V}R$ (где R также второй компонент дифтонга) и $\check{V}T$ (где T глухой шумный) в латышском языке. Подтверждение тому дает и использование геминации интервокального согласного и продления стоящего перед ним гласного как альтернативных приемов. (Это особенно очевидно в селонских говорах латышского, где одновременно присутствуют оба приема, ср. *lor-pa* ~ *lo:-pa* ‘лист’.) Эквивалентность \bar{V} , $\check{V}R$ (и в прибалтийско-финских языках также $\check{V}C$) аналогичным образом следует из других чередований, имеющих место при

ресиллабации¹⁴. Для балтийских языков более характерно упрощение перегруженных «сверхдолгих»¹⁵ слогов, где в качестве альтернативных средств выступают, с одной стороны, выпадение сонанта или второго компонента дифтонга, а с другой стороны, сокращение стоящего перед ним долгого гласного: ср. лтш. диал. *vējš* ‘ветер’ > *vēš* (*vē-ji* ‘ветры’) и *viēns* ‘один’ > *veñs* (*viē-ni* ‘одни’), лит. диал. *šakōj* ‘на ветке’ > *šakō* или *šakži*. Эстонский язык в большей степени стремится к сохранению минимального набора компонентов, необходимых для образования долгого слога: ср. *sil-da* ‘мост (PrtSg)’ — *sil-la* (GSg) с геминацией, но *määr-de* ‘мазь (GSg)’ — *määr-re* (NSg), где выпадение согласного не влияет на долготу слога. В латышском языке продление гласного призвано компенсировать утрату слоговости согласным *r* (реже *l*), напр., *dārzi* ‘сады’, *vērt* ‘открывать’, где на смену *ŶR* приходит *Ŷ*.

Впрочем, если нет указаний на ущербность сонанта или второго компонента дифтонга с точки зрения его участия в структуре долгого слога, продление стоящего перед ним гласного может служить исключительно дифференциации грамматических форм, как в ливском языке, где PrtSg *silmō* ‘глаз’ и *silmšti* ‘перед глазами’ (*ŶR*) чередуются с NSg *silma*, PrtSg *aitō* с NSg *āita* ‘амбар’ (где ядро слога сдвинулось с *ŶR* на *Ŷ*) и т.д. В литовском языке количественные изменения компонентов дифтонгов и дифтонгических сочеганий были призваны усилить различия слоговых интонаций и, впоследствии, заменили их, так что на сегодняшний день бывшие акутовые и циркумфлексные слоги с дифтонгами и дифтонгическими сочетаниями в реальности различаются фонемным составом¹⁶: ср. *aušta* /a:ušta/ ‘остывает’, *káltas* /ka:ltas/ ‘битый’ (с долгим гласным) и *aišta* /aušta/ [au.šta] ‘рассветает’,

¹⁴ Положение, что долгота слога и его структура не только не сводятся к количественным характеристикам составляющих его сегментов, но могут и влиять на них, не является новым — см., напр., Fox A. Prosodic Features and Prosodic Structure. The Phonology of Suprasegmentals. New York: Oxford University Press, 2000. P. 55–56, 67–69. М. Гордон использует и компенсаторное продление типа *ŶC* > *Ŷ*, и запрет на появление долгих гласных в закрытых слогах в качестве критериев слоговой долготы при анализе большого числа языка, куда попадает и литовский (Gordon M. Syllable Weight: Phonetics, Phonology, Typology. New York and London: Routledge, 2006. P. 225–234).

¹⁵ Не путать со сверхдолгими слогами в эстонском языке, где долгота и сверхдолгота представляют собой традиционные названия легкого и тяжелого акцептов на долгих слогах.

¹⁶ См. также J. Kazlauskas. Lietuvių kalbos istorinė gramatika (kirčiavimas, daiktavardis, veiksmazodis). Vilnius: Mintis, 1968. P. 5, 14.

kaĩtas /kaltas/ [kal.tas] ‘виноватый’ (с фонетически долгим или полудолгим вторым компонентом). (В сочетании с нивеляцией акута и циркумфлекса на слогах с долгими монофтонгами это ставит под сомнение само существование слоговых интонаций в современном литовском языке.)

Кроме того, в литовском языке на дифференциацию дифтонгов и дифтонгических сочетаний наложилось изначально независимое от нее продление одиночных ударных гласных (типа *lãpas* ‘лист’). Продление первого или второго компонента было переосмыслено как обусловленное ударением, и в циркумфлексных сочетаниях краткий первый компонент, попав в положение безударного, окончательно утратил слогообразующую функцию ($\check{V}R > R$) и подвергся дополнительной качественной редукции¹⁷: [ãu.šta], [kal.tas]. Таким образом, если в латышском превращение кратких ударных слогов в долгие, имевшее место за счет геминации (**lapa > lappa*), пополнило возможные типы долгих слогов сочетаниями с глухим шумным, в литовском языке аналогичный процесс, т. е. продление ударных слогов за счет гласных, в конечном итоге привел к разрушению дифтонгов и дифтонгических сочетаний с сонантами. Это подорвало основу долгих слогов как класса, основанного на эквивалентности слогов с долгими гласными слогам, включающими в себя сочетания с разнородными компонентами.

Часть III. Основное и второстепенное ударение

В III части уточняется набор факторов, определяющих позиции основного и второстепенного ударений в литовском, латышском, эстонском и ливском языках, выявляется роль количественных характеристик слогов среди этих факторов и обсуждается сочетаемость долгих и кратких слогов в составе более крупных единиц.

Хотя литовский, в целом, является языком со свободным ударением, а в эстонском, латышском и ливском ударение, как правило, закреплено за первым слогом, во всех четырех языках и/или их диалектах имеются периферийные случаи, когда при прочих равных условиях основное ударение падает на долгий

¹⁷ См. A. Pakerys. *Skiemens sudaromieji ir skiemeniniai garsai // Lietuvių kalbos fonetikos skaitiniai. / Sudarė R. Kliukienė. Vilnius, 1997. P. 206–210, ср. А. Абеле. К вопросу о слоге // Slavica. 1924. № 3. С. 30.*

слог и не падает на краткий¹⁸. Правда, такие случаи обычно опосредованы морфологическими факторами, напр., в ливском языке безударным остается краткий префиксальный слог (а не любой начальный), ср. *no'andõ* 'отдать' и *'pīe, andõ* ~ *'pīe'andõ* 'простить' с ударениями на корне и на приставке.

Влияние слоговой долготы на второстепенное ударение ярче всего проявляется в эстонском и латышском языках, где ритмическое второстепенное ударение, падающее на нечетные слоги, сдвигается на соседний четный слог, если он долог, а соответствующий нечетный слог краток, напр., эст. *te'rava: malt* ~ *te'ravama:lt*¹⁹ 'от более острого (AblSg)', лтш. *'adati, nām* ~ *'ada, ti nām* 'иглолкам (DPl)'. Перенос ударения возможен не только слева направо, но и справа налево, ср. лтш. диал. *'palau, nagu* ~ *'pa, launagu* 'полдник (ASg)'. Иногда второстепенное ударение одновременно получают как краткий нечетный, так и долгий четный слог: лтш. диал. *'ada, ti. nāi* 'иглолка (GSg)'. Если нечетный краткий слог является конечным, второстепенное ударение опускается, ср. эст. ср. *o'sava* 'способного (GSg)' и *o'sava:t* 'способного (PltSg)', лтш. *'dāvana* 'подарок', но *'dāva, nām* (DPl). В литовском (аукштайтском) данное правило не действует — см., однако, жемайтские формы *dūobelā* 'клевер (GSg)' и *dūobelōu* (DSg).

В литовском языке влияние слоговой долготы на второстепенное ударение не связано с отступлениями от ритма. В аукштайтском диалекте второстепенное ударение получает долгий слог, идущий перед кратким ударным, напр., *pa, ti. ŋ. kù* 'направлюсь', а в жемайтском второстепенные ударения появляются на заударных долгих слогах: ср., жем. *vī. rā* 'мужчины, мужья' и литер. (аукшт.) *vū. rai*. В ливском второстепенное ударение схожим образом получают слоги с долгими гласными в составе заимствований, напр. *'ben, zīn* 'бензин'.

То, что долгие слоги чаще склонны получать второстепенное (и основное) ударение по сравнению с краткими, в диссертации трактуется как

¹⁸ Позиции ударения, по-видимому, является самым традиционным и распространенным критерием, позволяющим говорить о функциональных различиях между долгими и краткими слогами.

¹⁹ В эстонской традиции основное ударение обозначается точкой в верхней части строки, а второстепенное — двоеточием. В латышском языке точка в нижней части строки передает более слабое второстепенное ударение. В жемайтских примерах первый из слогов, несущих значок интонации, всегда несет основное, а остальные второстепенное ударение.

большая самостоятельность долгих, которые оказываются более предпочтительны в качестве начального слога ритмической группы (стопы). Краткие слоги, напротив, склонны присоединяться к соседним слогам в качестве «спутников».

Исторически стопа была более характерна для прибалтийско-финских языков, где ее выделяют не только на основании чередования ударных и безударных слогов, но также с опорой на количественные отношения, существующие между ударным и заударным слогом. В эстонском языке первый слог может относиться ко второму как 2:3 (первый слог краток), как 3:2 (первый слог долг и несет легкий акцент) или 2:1 (первый слог долг под тяжелым акцентом)²⁰. В ливском языке длительность второго слога не обнаруживает зависимости от типа акцента — долгий гласный выступает только после краткого слога и краткий гласный только после долгого.

Под влиянием эстонского и ливского некоторые связанные со стопой явления проникли в балтийские языки, вызвав продление ударных слогов в позиции перед кратким заударным (см. стр. 14). При этом характерное для эстонского и ливского языков продление заударного гласного после краткого ударного слога в латышском было переосмыслено как появление на заударном слоге второстепенного ударения, ср. эст. эст. *'kala* [kalà] 'рыба', *'adra* [aDrà] 'плуг (GSg)' с полудолгим заударным гласным и *'be,drei* 'яме (DSg)', *'za,ram* '(DSg)' с второстепенным ударением в той же позиции, а также эст. *'koka* [kòkka] 'повар (GSg)', *'kokka* [kòkkä] (PrtSg) и *'randa* [rañda] 'берег (GSg)', *'randa* [rañdä] (PrtSg) без продления заударного гласного и лтш. диал. *'klucim* [kluccim] 'деревяшке (DSg)', *'nākam* 'приходим' без второстепенного ударения.

Заключение

В заключении формулируются основные выводы исследования, касающиеся сходства и различий слоговых акцентов (слоговых интонаций) балтийских языков, эстонского и ливского, а также сходства и различий, проявляющихся в характере свойственных для данных языков фонемных чередований, которые сопровождают образование и распадение долгих слогов. Кроме того, подводятся итоги относительно особенностей второстепенного ударения во всех перечисленных языках.

²⁰ I. Lehiste. Search for Phonetic Correlates in Estonian Prosody // Lehiste I., Ross J. (ed.) *Estonian Prosody; Papers from a Symposium*. Tallinn, 1997. P. 14.

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

1. Даугавет А. Д. Два типа тональных оппозиций в циркумбалтийских языках [Текст] / А. Д. Даугавет. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. — 2008. — Вып. 2. Ч. 2. — С. 128–133.
2. Даугавет А. Д. Ударные слоги с краткими гласными в литовском и латышском языках [Текст] / А. Д. Даугавет. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. — 2008. — Вып. 3. Ч. 2. — С. 175–179.
3. Даугавет А. Д. Сегментная интерпретация акутовых и циркумфлексных сочетаний в литовском языке [Текст] / А. Д. Даугавет. // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. Аспирантские тетради. — 2008. — 29(65). — С. 98–101.
4. Даугавет А. Д. Слоговая долгота в латышском языке [Текст] / А. Д. Даугавет. // Язык и речевая деятельность. — 2005(2008). — №8. — С. 209–217.
5. Daugaviete A. Palīgacenti latviešu valodā (pēc A. Bīlenšteina, J. Endzelīna un M. Brēdes materiāla) [Текст] / A. Daugaviete. // Baltu filoloģija XIV (2), 2005. — 13.–46.lpp.
< Второстепенные ударения в латышском языке (на материале А. Биленштейна, Я. Эндзелина и М. Бреде) >

ОНУТ факультета филологии и искусств СПбГУ

Санкт-Петербург, Университетская наб. 11

Подписано в печать 22.10.2009

Тираж 120 экз.